

А.В. Худенко

ПОД ЗНАКОМ ДИЛЕММЫ

Разговор о состоянии мира сегодня инициируется признанием: ход событий ежедневно демонстрирует нам примеры и локальных, и глобальных кризисов: противопоставление богатого и бедного (в том числе и миров), со всеми последствиями, с которыми мы не в силах совладать. Опасность, превращающаяся то тут, то там в реальное насилие, - ясно показывает, что мы далеки от того положения в мире, когда прогресс обеспечивает благосостояние, мир и гармонию для всех. Настоящее бессилие человеческих действий оправдывает и объясняет неудачи предыдущих опытов и теорий. Двадцатый век с его мировыми войнами, тоталитарными режимами, геноцидом - проиллюстрировал несостоятельность и наивность каких бы то ни было концепций непрерывной эволюции прогресса.

Трагический опыт недавней истории углубляется интеллектуальным сомнением - то, что называют концом Великих идеологий. Таким образом, кризис современного мира - это кризис смысла. В интеллектуальном плане можно показать, что из-за этого кризиса стало трудно мыслить человечество *in total*, основным преимуществом которого является приближение к реальности. Нам не удастся в таком случае наблюдать социальные явления в их конкретности и реальности. Сегодня же существует соблазн и явный повод к институционализации мира на локальных участках. В своей сути такой локальный детерминизм резервирует, консервирует жизнь. В такой ситуации, когда среда, сложившаяся вокруг человека и благодаря человеку, становится все более плотной и непрозрачной, растет и опасность безумия. Угроза безумия распределяется во времени, и время теряется, становится лишь временем умножения и бесконечного роста.

Тем не менее настоящая ситуация не столь однозначна. Скорее она является парадоксальной и противоречивой; таит в себе как новые возможности, так и потенциальные опасности.

Настоящее – это все нарастающие различия в образе жизни людей, их мироощущений, целевых установках, способах достижения успеха; состояние сосуществования все увеличивающихся различий и разнообразий социальных иерархий. Вырвавшись из-под пресса тоталитарной, одномерной системы, человек осознал силу своей автономной воли, возможность проявления заботы о самом себе. Универсалистская доминанта сменилась повседневными житейскими проблемами: семья, круг друзей, родственники ближние и дальние, этническое или территориальное сообщество - становятся объектом внимания и заботы. Такое сообщество функционирует как реальная целостность, задавая меру, правила игры

ансамбля социальных отношений. Не случайно *civitas* значит не только гражданская общность, но и мера, порядок, закон. В такой структуре социум уже не принимает какой-либо высший порядок за пределами себя, поскольку сам обладает способностью, как поддерживать, трансформировать, так и, пусть это не покажется парадоксальным, разрушать себя.

Действительно, самоутверждение, автономизация имеют свою оборотную сторону – индивидуализм, веру в собственную непогрешимость, «рециптивность» реакций в отношениях с другими, гиперболизацию значимости своего сообщества. Следствие этого – стерилизация социума, снижающая возможность его развития. В попытках дистиллирования автохтонных слоев, поиске того, что лежит у истоков видится перевод спонтанных сил воображения и эмоций в «далекое» - архаическое, традиционное, аразумное. Оставшееся после ниспровержения разума место отводится харизме, на которую уже, как правило, не распространяется требования обоснования, критики.

В поиске новых моделей, призванных восстановить мир как целое, мы оказались в опасности альтернативного монологизма, понимаемого как сознательная установка на «ничто», но с лазейкой для себя лично. По мнению Бахтина, это и есть «абсурд современного дионисийства». Ужас альтернативного монологизма в том, что он сам оказался не столько альтернативой, сколько изнанкой и двойником классического, законодательного разума – «идеализацией в сторону безобразия» (Ницше). Таким образом, вырвавшись из пут односторонности, мы заболели «недугом автономизации» (И.Ильин). ... Чем не основание для начала войны?!

Война стала точкой отсчета современности.

Она – великая общинная суэта, в которой редуцируются до простых, элементарных противоположностей вся сложность общественных отношений. Война «подтверждает смерть» и порядок «подземного закона», оставляя сознательному наличному бытию и «дневному свету» лишь часть пространства. Война раскалывает мир на два ареала: ареал порядка, благополучия и зону, где господствует закон племени, где насилие гарантирует признание. Отсюда и апология пространства, где происходит плавление административного контроля и определение самоорганизующихся трибов. Магическим представляется сам факт плавления. Кажется, что таким узлом напряженности, местом высокой температуры является сам человек. Так ли это? Возможно. Однако заметим, что герой «Сада расходящихся тропок» Борхеса не ошибся в своих словах, сказанных еще в Первую мировую¹: вояка действительно стал общественным типом современности. Именно вояка является носителем

¹ «Я предвижу время, когда людей принудят исполнять день за днем и более чудовищные замыслы; скоро на свете останутся одни вояки и головорезы», - записал Борхес в «Саду расходящихся тропок».

моральной демагогии, в которой скрываются и компенсируются истинные причины деяния. Действительно, моральная демагогия этически обеспечивает насилие и состоит в том, что определенные субъекты узурпируют право выступать от имени добра, а своих оппонентов помечают «черной меткой», превращая их во врагов. Моральная демагогия создает ситуацию, в которой насилие оказывается более чем допустимым злом – оно становится прямой обязанностью.

Но ведь реальный процесс обновления предполагает горизонт стабильности, где различные области компетентности остаются охваченными в единстве традиций и недифференцированными, соответственно, на отдельные определения, подлежащие специфическим инновациям, дискуссиям и исследованиям. Да и «мудрецы учат, что небо и землю, богов и людей объединяет общение, дружба, порядочность, воздержанность, по этой причине они и зовут нашу Вселенную ‘порядком’ [‘космосом’], а не ‘беспорядком’ [...] и не ‘бесчинством’» [Платон. Горгий, 508a].

Как видно, противоречивость настоящей ситуации ставит человека перед дилеммой, маркирующей границы современности: либо быть действующим, либо пропасть. Быть действующим, т.е. сохранить жизнь, трудиться, чтобы даже ценой отсрочки наслаждения и удовольствия, удержаться в ней – жертвовать; либо пропасть в «подземном царстве», которое является противовесом богатств и благ, освящаемых нормой – самому стать жертвой¹.

Известно, что дилеммы - лишь трудности концептуального характера. В своих поздних работах Витгенштейн, обосновывая идею функциональной природы понятий, обратил внимание на то, что даже применительно к одним и тем же объектам понятия могут применяться неодинаково, играть в разных системах рассуждений разные роли. В связи с этим, суть дилеммы состоит не в тяжбе между направлениями мысли, где ставка делается на то, какое из них победит, а какое проиграет в состязании, но каковы права и обязательства последних относительно друг друга и всех других возможных позиций.

В своих «Заметках на полях ‘Имени розы’» Эко написал: «Мне хотелось отравить монаха. Думаю, что всякий роман рождается от подобных мыслей. Остальная мякоть наращивается сама собой». Не-обходимость смерти, очевидна. Человек – это смерть, живущая человеческой жизнью. Именно конечность человеческого бытия позитивно определяет жизнь, и определяет ее именно как самодостаточный феномен – замкнутой на самой себе. Как отмечал Аристотель, самодостаточность – суть то, «что одно только делает жизнь достойной избрания и не в чем не нуждающейся, а

¹ «По ту сторону добра и зла» (§55) Ницше говорил о существовании лестницы жертвоприношений в истории человечества: некогда жертвовали людьми, которых больше всего любили, затем – «сильнейшими из своих инстинктов, своей природой», и, наконец – «самим Богом из жестокости к себе». Драматизм хождение по этой лестнице рассматривается как практика открытия возможностей в сообщении и сообществе.

таковую мы и считаем счастьем» [Аристотель. Никомахова этика, 1097b,15]. А счастье, по определению Стагирита, – «это, очевидно, нечто, совершенное, полное, конечное и самодостаточное». Человек достоин (обладает достоинством) и достоин жизни (счастливой) принимая необходимость смерти, свою конечность.

В платоновском «Федре» дар смерти есть обретение смысла существования. Смерть есть дар обретения себя. Вся жизнь должна быть тем, что Сократ называет практикой смерти, и только тогда она достойна называться человеческой жизнью. Переживание смерти, забота о смерти представляет собой и то, что можно назвать другим именем – свобода. Именно забота о смерти способствует получению удовольствия, в основе которого непременно лежит срыв запрета и преодоление нормы.

Апокалипсис? Можно вслед за Деррида повторить: Да, апокалипсис, да сегодня! Но не подражание и разыгрывание его в трансреальности симулякров.

«Апокалипсис» по-гречески означает от-кровение, т.е. снятие покрова, обнажение, а «апокалиптические речи» - это и «непристойные речи», в которых говорилось об обычно скрываемых частях тела. Как здесь не вспомнить пассаж Канта о «срывании покрова с Изиды» – об открытии очевидного, которое по существу своему непристойно, но желает быть разоблаченным. Именно поэтому такое открытие предполагает бережное отношение, внимание к побочным действиям прохождения пути и ответным реакциям на действия. Речь идет о необходимости пути косвенного - пути обходного, непрямого, который является противоположностью действий технократа. Путь косвенный – суть вопрошание и обращение к другому, чуждому, который внеположен «я». Такой путь следует рассматривать как средство, чтобы озадачить, привлечь внимание и открыть голос другого. Обращение-к представляет собой открытие альтернативы, в которой множество доводов говорят как в пользу одной, так и в пользу другой возможности. Конечно, тяжело поверить, что на эти вопросы будут найдены ответы здесь и сейчас. Обращение-к, следовательно, не есть реальность вопроса, но основание, к которому невозможно не возвратиться, чтобы получить ответ потом. Основание нельзя оставить без внимания, чтобы получить ответ, и оно может открыться только в событии встречи с другим.

Косвенный путь - есть обращение к другому. Не ответ другому и, тем самым, спецификация, типологизация – снятие внеположенности другого, но за другого: способность услышать другого и подчинить свое движение его голосу. Известно, что в основе всякого ответа лежит оценка, которая подчинена ритуалу и согласована с нормой. Но в современной ситуации нельзя позволить себе право признания универсальных норм/ценностей, нельзя позволить себе алиби морального демагога, когда, возвышая себя, крайне негативно оценивается другой. Нельзя также позволить себе и ложь: разве можно предать то, что «слито в тебе» или не исполнить имеющееся, не подчиниться системе? Реальность этой дилеммы не дело трансцендентального субъекта, но обыкновенного «человека с улицы», не

долга, но воображения, вкуса, умения жить - всего того, что объединяется в слове *Humanitaet*¹.

В пространстве *Humanitaet* может находиться только собеседник, который, с одной стороны, наблюдатель, действия которого временно приостановлены, с другой - активный участник событий. Маргинальность собеседника состоит в его уважении к другому: в соблюдении уже данных правил и, в то же время, в задаче преодоления таковых. Ведь просто-напросто подчиниться ритуальной норме было бы невежливо: невежливо быть вежливым из вежливости. Из этой аксиомы вовсе не следует делать вывод, что уважение становится в действиях вопреки данному, в нарушении любых правила. Вновь и вновь встреча с другим – есть неповторимость обращения, что не позволяет действовать в силу уже данного, лишь из пустоты – беспочвенного уважения к правилу.

Таким образом, желание открыть и разоблачить очевидное, или забота о смерти позволяет презреть имеющуюся норму - помолчать. Нисхождение в «подземное царство» открывает возможность позаботиться о себе, находясь в поле живого обсуждения новых принципов. Смысл такого движения состоит не в том, чтобы перевернуть оппозиции дилеммы, но организовать условия постоянного «переворачивания» - обратиться к другому, услышав его голос. В таком случае молчание – есть исключительно ответственная форма бдительного осуществления ответственности. В молчании, в котором к другому обращаются ухом, скрыта ответственность. Эта ответственность ради согласия и доверия, в конечном итоге, является формой выживания и спасения, источником заботливого отношения к себе и необходимым условием обновления общества.

При этом разрешение проблемы не сводится к вопросу об изменениях, руководимых идеей прогресса, доставшейся нам в наследство от Просвещения: «переходом» от веры к разуму и от Уммы к гражданскому обществу. Скорее, определение современности общества свободно от *terminus a quem* как факта завершения изменений, но открыто бесконечности обновления и ограничено лишь причиной. Причиной же бесконечности обновления выступает воля к утверждению и самостоятельность выбора, а также признание других в качестве других во всем их своеобразии и воле к действию. В таком случае вопрос об изменениях – это вопрос о возможностях каждого участвовать в производстве нового. Самостоятельно выбирая пути реализации своих способностей, «участник» не только признает уже сложившиеся отношения, но и ценит инвестиции и инновации, позволяющие ему заботливо завершить данное. Инновация, следовательно, не «творение из ничего», а переосмысление, переинтерпретация уже существующих значений и норм, отталкивание от них, дистанцирование, но не полное уничтожение.

¹ Термин *Humanitaet* представители немецкой романтической философии использовали в значении «социальной общительности» и «общежителности».

Пребывая в пути реализации своих творческих замыслов, он более предпочитает соглашение, нежели закон Государя, обычай или корысть. «Участник» скорее ориентирован на то, чтобы подняться выше простых требований и даже временного равновесия, достигнутого в результате переговоров, чтобы осознать себя и утвердиться более в качестве производителя, чем потребителя общественной ситуации. Поставить последнюю под вопрос, вместо, того чтобы соответствовать ей. Это непременно предполагает наличие живого сознания «участника»: возможность размышлять над своей творческой способностью, выбирать в качестве главной ценности опыт самого себя и видеть в других сходство с собой в силу их способности быть другими. При этом именно обращение к другому выступает надежным гарантом бесконечного обновления.